

С. М. Бардина^{ab}

ORCID:0000-0002-3269-8488

✉ neology@bk.ru

^a *Московская высшая школа социальных и экономических наук
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ НОРМАЛИЗАЦИИ В РАССКАЗАХ О СНОВИДЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются приемы, используемые для описания странных событий, персонажей и деталей в рассказах о сновидениях. Автор анализирует методы представления «странного» в описании сновидений и сравнивает их с аналогичными методами, характерными для рассказов об экстраординарных и паранормальных событиях. Показано, что в рассказах о сновидениях используется ряд приемов, создающих контраст между обыденной обстановкой и невероятным событием (X-Y структуры), а также противопоставляющих правильный ход событий и его нарушение (контрастные структуры). Странность в таких случаях конструируется с помощью противопоставления нормального и ненормального, обыденного и экстраординарного.

Аналогичные приемы используются в рассказах о необычных происшествиях и о поведении психически больных людей. Однако роль этих приемов в рассказах о сновидениях несколько отличается, поскольку при акцентировании странностей в сюжете сна рассказчик не только противопоставляет странное и нормальное, но вписывает это различие в оппозицию «реальность — сон».

Ключевые слова: дневники снов, контрастные структуры, нормализация, повседневность, рассказы о сновидениях, сновидения, сны, странное, экстраординарные события

Для цитирования: Бардина С. М. Риторические стратегии нормализации в рассказах о сновидениях // Шаги/Steps. Т. 6. № 4. 2020. С. 126–140. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-126-140.

*Статья поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.
Принято к печати 18 апреля 2020 г.*

S. M. Bardina^{ab}

ORCID:0000-0002-3269-8488

✉ neology@bk.ru

^a *Moscow School of Social and Economic Sciences
(Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

RHETORICAL STRATEGIES OF NORMALIZATION IN DREAM NARRATIVES

Abstract. The paper examines ways in which strange events, characters and details are described in dream reports. The author analyzes methods of constructing “strangeness” in dream narratives and compares them with the ones which are common in reports on extraordinary and paranormal events. It is demonstrated that several devices which include so-called “contrast structures” and “X-Y structures” might be employed in dream reports. X-Y structures provide mundane contrasts to extraordinary events, while contrast structures juxtapose wrong actions with descriptions of appropriate behavior. So, by applying the opposition of appropriate and inappropriate, and the opposition of extraordinary and mundane, these devices help to portray events as strange. Though these techniques might be used in dream reports, they could also be employed in other narratives, including reports on paranormal experiences or descriptions of behavior of mentally ill people. Their functions in various types of reports are similar; however, the use of these devices in dream narratives is substantially different in some respects. While reports on waking reality juxtapose normal and strange or fitting and wrong, dream reports juxtapose strange elements of a dream with the same elements as if they normally were in reality. Thus, in dream reports the opposition of normal and strange is closely connected with the opposition of waking reality and the dream.

Keywords: contrast structures, dreams, dream diaries, dream journals, dream reports, dream telling, everyday life, extraordinary events, normalizing devices, strangeness

To cite this article: Bardina, S. M. (2020). Rhetorical strategies of normalization in dream narratives. *Shagi / Steps*, 6(4), 126–140. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-126-140.

Received February 10, 2020
Accepted April 18, 2020

Дискурсивная психология [Edwards, Potter 1992; Potter 1996; Potter, Wetherell 1995; Wooffitt 2005] выделяет особую группу риторических приемов, которые используются в рассказах о необычных происшествиях. Эти приемы объединяет то, что они служат для нормализации (normalization) [Potter 1996: 195] повествования. Такие конструкции выделяют в рассказах об экстраординарных событиях [Jefferson 2004; Sacks 1984; Stockbridge, Wooffitt 2019], о паранормальном опыте [Ohashi et al. 2013; Wooffitt 1992], в сообщениях о поведении психически больных людей [Нак 1998; Smith 1978]. Иными словами, эти приемы встречаются в рассказах о том, что явным образом выходит за пределы повседневного опыта. Задача этой статьи — рассмотреть, могут ли использоваться аналогичные конструкции в рассказах о сновидениях и какую роль они играют в повествованиях этого типа.

Прежде всего стоит оговорить, для каких целей, с позиции дискурсивной психологии, в целом употребляются приемы нормализации. Их использование связано с тем, что определенные сообщения производят впечатление более правдоподобных и имеют большую вероятность быть принятыми в качестве «фактических» (factual) описаний реальности [Edwards, Potter 1992: 160]. Ключевое, хотя и далеко не единственное условие убедительности того или иного описания состоит в том, что рассказчик должен восприниматься как «нормальный и рациональный индивид» [Georgasa 2004: 20]. В частности, нормальный и рациональный человек выстраивает рассказ о своем опыте или о событии, свидетелем которого он был, в соответствии с базовыми принципами организации повествования [Pollner 1987: 41]. Согласно М. Поллнеру, описание по меньшей мере должно быть внутренне согласованным и совместимым с общими знаниями о мире. Если же повествование явно и существенно нарушает эти принципы, существует риск, что слова будут подвергнуты сомнению; более того, под вопросом может оказаться адекватность рассказчика [Coulter 1973; Pollner 1975; 1987; Wooffitt 2005].

Разумеется, эти принципы периодически нарушаются: рассказы людей часто противоречивы или не соответствуют принятой системе знания. Однако человека, описывающего нечто невероятное, далеко не всегда перестают считать нормальным и рациональным субъектом, а его рассказ иногда принимается как достоверное описание реальности, несмотря на необычное содержание и противоречия. Одной из причин этого может быть использование рассказчиком риторических конструкций нормализации. Использование таких приемов работает как «защита» [Wooffitt 1992: 117], позволяющая показать, что, несмотря на то что рассказчик повествует о чем-то нетипичном, странном, противоречащем общей системе знания, сам он нормален, а его рассказ заслуживает доверия. В частности, сравнивая тематически близкие рассказы свидетелей паранормальных явлений и пациентов-шизофреников, Д. Палмер [Palmer 2000] приходит к выводу, что одно из явных различий между этими типами повествования состоит в использовании психически здоровыми людьми конструкций нормализации. Использование этих приемов позволяет продемонстрировать адекватность рассказчика и его социальную компетенцию, тем самым повышая вероятность того, что его слова будут восприняты всерьез [Wooffitt 2005: 111]. Пациент же не

использует подобные приемы, и это выделяет его рассказ в большей степени, чем невероятность описываемых событий [Palmer 2000: 675].

Представляется вероятным, что подобные приемы могут использоваться и в рассказах о сновидениях. С одной стороны, сны — безусловно, необычный опыт; в философской и психологической литературе странность прямо определяется как одна из ключевых характеристик сновидения [Rosen, Sutton 2013; Revonsuo, Tarkko 2002; Sutton 2009]. Повествования о сновидениях содержат невероятные и нереалистичные эпизоды; в них могут быть нарушены любые правила, включая законы логики и физики. Причем если в сказках или, скажем, в литературных произведениях в жанре фэнтези события также могут противоречить физическим законам, то во всяком случае сами эти невероятные события подчиняются общей логике, пусть даже она и не совпадает с «нормальной» [Pollner 1987: 40]. Но в описании сюжета сновидения может быть нарушен даже базовый принцип связности и последовательности внутри самого повествования. С другой стороны, содержание снов редко оспаривается, а адекватность и нормальность рассказчика обычно не подвергаются сомнению, несмотря на невероятность самого рассказа [Hilbert 2010: 61; Malcolm 1959: 65; Windt 2015: 14]. Поэтому кажется вполне возможным, что в рассказах о сновидениях тоже может использоваться «защитная риторика», позволяющая показать, что «ненормальность» того, о чем повествует человек, не ставит под вопрос его собственную нормальность и достоверность рассказа.

Далее будет рассмотрена возможность применения в рассказах о сновидениях некоторых средств нормализации, которые выделяются в историях о необычных происшествиях или ненормальном поведении. В частности, будут разобраны два наиболее типичных приема [Potter 1996: 196], которые используются для описания «аномальных» действий или происшествий. Это «X-Y структуры», которые были впервые выделены в конверс-аналитических исследованиях экстраординарных событий [Jefferson 2004; Sacks 1984], и «контрастные структуры», которые прежде всего характеризуют рассказы о поведении психически больных людей [Smith 1978]. Кроме того, я выскажу ряд предположений по поводу специфики функций, которые могут выполнять эти приемы в рассказах о сновидениях.

Публичные дневники сновидений

Для иллюстрации этих предположений в статье используются фрагменты из опубликованных дневников сновидений. Работы, в которых впервые было показано использование риторических приемов нормализации в рассказах о необычных событиях или ненормальном поведении [Sacks 1984; Smith 1978], базировались на анализе письменных источников, предназначенных для публичного просмотра: газетных статей, опубликованных автобиографических воспоминаний, фрагмента записанного по памяти разговора, который обсуждался на занятии, и т. п. Чтобы показать применимость этих риторических конструкций в рассказах о сновидениях, были выбраны опубликованные записи снов, что позволяет провести параллель с существующими исследованиями. В статье приводятся фрагменты записей снов, которые были опубликованы в открытых интернет-сообществах, где люди анонимно

делятся своими снами¹. Для иллюстрации выбраны несколько фрагментов, на примере которых можно продемонстрировать некоторые особенности применения приемов нормализации для конструирования рассказа о сновидении.

Эти примеры позволяют, во-первых, показать, что указанные приемы могут использоваться в рассказах о сновидениях, а во-вторых, проиллюстрировать некоторые предположения о функциональном значении этих конструкций — но они не репрезентируют практику публичной записи снов. Обращаясь к примерам повествований, в которых используются отдельные приемы нормализации, например в отдельном описании невероятного происшествия или поведения психически больного [Hak 1998; Hayward et al. 2015; Jefferson 2004; Stockbridge, Wooffitt 2019], исследователи показывают значение таких приемов для конструирования текста определенного жанра. Тем не менее такое рассмотрение не дает ответ, как именно производятся такие рассказы в целом [Hak 1998: 435; Stockbridge, Wooffitt 2019: 440]. Аналогично, рассмотрение историй, которые явным образом представлены в качестве рассказов о сновидениях, может показать специфику применения определенных риторических конструкций и их значение для такого типа рассказа. При этом во многих записях сновидений приемы нормализации не используются вовсе, и обращение к отдельным фрагментам сновидений не позволяет говорить, что организация рассказа о сновидении непременно предполагает их использование.

Существуют и дополнительные ограничения, связанные с самим материалом. Прежде всего они сопряжены с особенностями письменных рассказов. Исследования показывают, что письменные отчеты и устные рассказы о сновидениях, несмотря на значительные сходства, имеют также определенные тематические отличия [Mathes, Schredl 2014]. Кроме того, при обращении к анонимным записям невозможно что-либо достоверно утверждать об авторе рассказа о сновидении. Например, существуют значимые отличия в содержании [Honig, Nealis 2012], в эмоциональной окрашенности [St-Onge et al. 2005] и в общих принципах описания себя как героя сна [Shafton 1995: 294] в зависимости от возраста рассказчика. Возможно, некоторые записи сновидений в онлайн-сообществах были сделаны детьми или подростками, при этом точные выводы о возрасте автора в данном случае сделать невозможно. Более того, невозможно даже утверждать, действительно ли человек видел описанный сон либо полностью выдумал его. Поэтому вопрос о том, чем обусловлены отдельные особенности рассказов, остается открытым.

Далее будут рассмотрены конкретные приемы нормализации, которые могут использоваться в таких рассказах.

---

¹ Сны, опубликованные в узкоспециализированных группах (например, онлайн-толкования в традиции юнгианского анализа или сообщества по обучению практике осознанных сновидений), не приводятся, прежде всего потому, что в таких случаях рассказ о сновидении часто содержит специфическую терминологию и дополнительные пояснения, связанные со спецификой ресурса, по ходу повествования. При этом в таких записях можно встретить аналогичные конструкции.

Х-У структуры в рассказах о сновидениях

В этом разделе мы обратимся к конструкциям, которые встречаются в рассказах о необычных происшествиях. В описаниях таких событий часто используется конструкция «Сначала я подумал X, но потом понял, что Y» [Jefferson 2004: 136]. Например, свидетель угона самолета описывает, что увидел человека, который направил пистолет в спину стюардессе, и его «первой мыслью было, что тот показывает ей свой пистолет», но потом он «понял, что такого не может быть, и оказалось, что это угон самолета (hijacking)» [Sacks 1984: 419]. Свидетель убийства президента сообщает, что «услышал звук [выстрела], который принял за звук выхлопной трубы полицейского мотоцикла», и только потом, когда звук повторился, «понял, что что-то не так» [Jefferson 2004: 134]. В этих случаях люди сталкиваются с происшествиями, явно выходящими за рамки обычного, с экстраординарными, катастрофическими событиями. Указания свидетелей, что сначала они интерпретировали происходящее как нечто нормальное и заурядное, создают «обыкновенную альтернативу необыкновенной реальности» [Ibid.: 137]. Свидетели таким образом подчеркивают, что не ожидали увидеть что-то особенное, что их первая интерпретация увиденного была максимально обыденной.

Сходный прием, которым пользуются свидетели необычных событий, — построение повествования по модели «Я делал X [нечто обыденное], когда вдруг случилось Y [нечто необыкновенное]» [Wooffitt 1992: 225]. Этот прием характерен для рассказов о паранормальных явлениях. Например, рассказчица упоминает, что они с подругой смотрели телевизор, когда внезапно из ниоткуда зазвучала мелодия [Ibid.: 138]; как позже «выяснилось», эту мелодию играл дух, живший в квартире. Необычное, сверхъестественное событие противопоставляется будничной обстановке, в которой оно произошло. Эта структура сходна по своему назначению с описанными выше конструкциями: демонстрируя и подчеркивая обыденность обстановки, рассказчик неявным образом дает понять, что не ожидал пережить или увидеть что-либо необычное [Wooffitt 1992: 224].

Такие структуры позволяют четко обозначить различие между «нормальным» (normal) и «странным» (odd) [Jefferson 2004: 155]. С одной стороны, «нормальная» часть «ненормальной» истории позволяет подтвердить, что рассказчик — разумный, психически здоровый и самый что ни на есть обыкновенный человек [Potter 1996: 142]. Рассказывая о том, что они видели, люди могут различными способами демонстрировать, что они «обычные», т. е. что они проводят время обыкновенными способами, интересуются тем же, что и все, думают так, как подумал бы в этих обстоятельствах самый заурядный человек [Sacks 1984: 415]. Свидетели необычных событий рассказывают о своих первых ошибочных мыслях, чтобы показать, что они в первую очередь восприняли происходящее как нечто обыденное. Они также демонстрируют, что занимаются самыми заурядными делами, не ждут ничего невероятного. Это позволяет поддерживать идентичность «обычного человека», даже рассказывая о чем-то необычном. Демонстрация обыденности служит в качестве упомянутой «защитной стратегии» [Wooffitt 2005], которая используется при повествовании о чем-то невероятном. Так создается дистанция между неве-

роэтным событием и рассказчиком — нормальным и «обычным» человеком, которому можно верить.

С другой стороны, подобные конструкции дополнительно подчеркивают странность, невероятность и исключительность самого события. В рассказе создается контраст между экстраординарным происшествием и обыденной обстановкой (или обыденной альтернативой, которую предлагает свидетель). На этом фоне неожиданное событие кажется еще более невероятным.

Подобные структуры могут встречаться и в рассказе о сновидениях. Рассмотрим несколько отрывков из опубликованных снов².

Мы с мамой дома о чем-то разговариваем. И ни откуда возьмись появляется большое чёрное человекообразное нечто, что-то между тенью и дымом³.

Это самое начало рассказа, и в первых двух предложениях мы видим противопоставление обычного течения жизни («мы с мамой разговариваем») и привычной обстановки («дома») необычному событию — внезапному вторжению неведомого существа. Характерно, что рассказчица использует типичный для историй об аномальных явлениях прием «неназывания» (not naming) [Woods, Wooffitt 2014; Hayward et al. 2015]. Персонаж характеризуется как «челоэкообразное нечто», «что-то между тенью и дымом» и не называется прямо. Косвенным образом этот прием подчеркивает контраст между неведомым жутким существом и повседневной реальностью, в которой нет для него подходящего названия.

В следующем примере мы видим сходную структуру:

Я нахожусь у себя дома, вроде бы все как обычно, на улице зима, и я очень жду когда же приедет с работы муж. Всмотриваюсь в замерзшее окно, сквозь белую наледь вижу свою собаку, которая ведет себя крайне агрессивно и странно. Лает на меня и скалит зубы, при всем этом на улице был такой снегопад что собака стоит на уровне моего окна и по шею заметена снегом, я подумала почему же пес никуда не двигается с места, а он ест вообще что нибуь? А ни холодно ли ему? Почему не уходит к себе в теплую будку?⁴

История начинается с описания типичного дня, причем автор прямо подчеркивает, что «все как обычно», отсылая к реальной повседневности. Далее течение обычной жизни нарушается во сне тем, что собака ведет себя странным и необъяснимым образом.

Наконец, на примере следующего фрагмента мы видим воспроизведение в сюжете сновидения структуры «Сначала я подумал X, но затем понял, что Y»:

Просыпаюсь утром в своей постели. Еще в полудреме вдруг замечаю какие то отметины на стене. Сперва мне кажется, что это порванные

² Во всех случаях авторская орфография и пунктуация сохранены.

³ «Дневник сновидений» (<https://vk.com/dreamsbysecret>), 15 мая 2015 г.

⁴ «Мир сновидений» (<https://www.mirsnov.ru>), 7 февраля 2012 г.

обои. Удивляюсь, как это кот на такую высоту забрался и порвал обои. Потом понимаю, что слишком ровные полосы для кошачих когтей. Встаю с постели и отхожу на несколько шагов. Теперь вижу, что это квадратное окошко в стене. Его сделали соседи, но когда? Когда я спала? Забираюсь на постель, чтоб рассмотреть поближе. Окошко закрыто как вентиляционный выход. Рядом вижу термометр. Сперва думаю, что он показывает температуру, но позже понимаю, что ошибаюсь. Термометр принимает круглую форму и теперь располагается на самом окошке. На нем циферблат с нарисованной спиралью. Числа написаны не только по краю циферблата как у обычных часов, но по спирали тянутся к центру. Числа и двух, и трехзначные. Откуда то я знаю, что этот «термометр» показывает сколько каналов может сейчас принимать мой телевизор. Сейчас указано что то около двухсот⁵.

Прежде всего, в этом фрагменте тоже есть контраст между обыденной обстановкой («просыпаюсь в своей постели») и дальнейшими невероятными событиями. Но в данном случае интересна интерпретация происходящего героиней. Как и в рассказах о неожиданных происшествиях в реальности, она предлагает необычным событиям более обыденную альтернативу. Сначала она видит отметины на стене и предполагает, что обои порвал кот. Далее это предположение оказывается неверным, и она понимает, что отметины — это квадратное окошко в стене. Предположение о том, что следы оставил кот, не подтвердилось, но ход рассуждений излагается подробно. Затем в этом же фрагменте присутствует еще один пример рассуждений, соответствующих формуле «Сначала я подумал X, но потом понял, что Y». Героиня сна видит термометр и описывает свое восприятие: «сперва думаю, что он показывает температуру, но позже понимаю, что ошибаюсь»: термометр показывает, сколько каналов может принимать телевизор, и выглядит необычно («циферблат с нарисованной спиралью», «числа по спирали тянутся к центру»).

В этом фрагменте дважды приводится первая мысль рассказчицы по отношению к тому или иному предмету сна, которая оказывается неверной. В обоих случаях первое предположение кажется более обыденным и более реалистичным, чем то, что происходит «на самом деле». Кот, оцарапавший обои, — это более вероятная и «повседневная» интерпретация отметин на стене, чем внезапно появившееся за ночь в стене окошко. Термометр, показывающий температуру, разумеется, более нормален, чем термометр, показывающий, сколько каналов принимает телевизор.

Использование подобных приемов сближает рассказы о сновидениях и повествования о невероятных событиях в действительности. Представляется, что те функции, которые выделяют в исследованиях рассказах о необычайных происшествиях, могут быть отчасти релевантны и для повествования о сновидении. Во-первых, эти функции связаны с тем, что Х. Сакс называет работой над демонстрацией своей «обычности» (being usual) [Sacks 1984: 429]. Рассказ «обычного человека» о неординарном событии кажется более убедительным, поскольку рассказчик изначально не увлекаются ничем мисти-

⁵ «Мир сновидений» (<https://www.mirsnov.ru>), 6 февраля 2020 г.

ческим и не ожидает увидеть что-либо необычное, — однако неожиданно для себя становятся свидетелем чего-то невероятного [Potter, Hepburn 2007: 282].

Кажется вполне возможным, что этот аргумент может быть применен и по отношению к рассказчику сновидения. Как и в рассказах о необычных событиях в реальности, использование таких X-Y структур может подчеркивать нормальность самого рассказчика, который не ждет ничего необычного и предлагает более «нормальную» версию происходящего (как в примере выше, где героиня сна сначала принимает внезапно появившееся в стене окошко за следы кошачьих когтей). Описание обычных занятий также позволяет подчеркнуть, что герой в тот момент не ждал ничего необычного, поскольку он «обычный человек», который реагирует на невероятные события так же, как отреагировал бы любой обыватель. Это может работать в качестве риторической «защиты», дистанцируя таким образом рассказчика от нарушений логики и нереалистичных событий рассказа.

Контрастные структуры в рассказах о сновидениях

Другой прием описания странных событий отмечается в исследованиях рассказов о поведении психически больных людей. Предполагается, что пациент ведет себя ненормально, нарушая известные и признанные стандарты поведения, и убедительный рассказ о его поведении должен это отражать [Нак 1998: 424]. Один из способов описать поведение так, чтобы оно выглядело явно ненормальным для слушателя или читателя, — подчеркнуть амбивалентность, внутреннюю противоречивость действий человека [Rosenhan 1973: 253]. Д. Смит, анализируя записанный рассказ девушки о своей подруге, которую та считала психически больной, отметила характерные приемы, которые использовались при описании ее поведения. Среди них особую роль играли контрастные структуры (contrast structures), с помощью которых описываемые действия казались противоречивыми и ненормальными [Smith 1978: 39].

Контрастные структуры устроены следующим образом. Первая часть структуры предписывает, какое поведение было бы в данной ситуации подходящим, вторая описывает действие, которое не подпадает под определение, данное в первой части. Таким образом, поведение объявляется неправильным и странным. Например, девушка рассказывает, что ее подруга «ходила на цыпочках по квартире, когда в этом не было никакой нужды» или «когда все шло совсем не так (...) она отрицала это, хотя расстраивалась из-за ерунды» [Smith 1978: 44–45]. В данном случае сами действия (ходить на цыпочках, не переживать из-за неприятностей в одной ситуации, расстраиваться в другой ситуации) не выглядят неправильными или странными, но становятся таковыми за счет создания контраста.

Этот прием отличается от описанных выше противопоставлений обычного и необычного. Контрастные структуры, о которых пишет Смит, позволяют показать ненормальность и странность действий, которые не являются такими сами по себе. При этом их использование подчеркивает, что сам рассказчик, сравнивая действия с «правилами», видит ненормальность происходящего. Тем самым риторически усиливается различие между рассказчиком, который относится к категории нормальных людей, и пациентом, который делает нечто очевидно неправильное [Нак 1998: 432].

Хотя во сне часто происходят вещи, невероятность которых очевидна, иногда рассказчики все же используют контрастные структуры, подчеркивая тем самым странность происходящего. Рассмотрим еще несколько фрагментов из записанных снов.

За мной увязался какой-то мужик лет 30-ти, мол «можно вас проводить?». Я разрешила, потому что заблудилась. (Странно то, что все на английском разговаривали и я понимала и тоже разговаривала, несмотря на то, что всю жизнь учила немецкий)⁶.

Действие сна происходит по-английски. Сам по себе разговор на английском языке не является чем-то странным или неправдоподобным. Но рассказчица использует контрастную структуру, первая часть которой «я всю жизнь учила немецкий» дает понять читателям, что она не должна была бы понимать английскую речь и говорить по-английски, а вторая часть — «я понимала [по-английски] и тоже разговаривала» — противоречит введенному правилу. Соответственно, происходящее ненормально, и отсюда следует авторская ремарка, что это было «странно». Первая часть контрастной структуры относится к реальности за пределами сна («всю жизнь»), и это сопоставление делает происходящее странным.

Я беру друга за руку и вижу, что все ногти у него аккуратно покрыты очень ярким сиреневым лаком. Это смешно, потому что в жизни он — «крутой мачо», байкер, руки у него очень большие и сильные, к таким рукам подходит не маникюр, а топор⁷.

В этом примере мы видим сходный прием. Первая часть контрастной структуры задает, что герой сна — «крутой мачо», его руки «большие и сильные», и автор прямо указывает, что маникюр «не подходит» его рукам. Поэтому маникюр, тем более яркий, выглядит ненормально и даже «смешно».

Я давно уже не студент, но приснилось, что спорю с каким-то преподавателем (а может быть членом какой-то комиссии) по поводу неверных расчетов теплотерь на ... корабле. Я не оправдывался, а именно доказывал, что тот все посчитал неверно. Помню, что приводил данные по каждому элементу: через дверь такие-то потери, через окна (какие окна на корабле?) такие-то, и даже учел теплотери через ШТУРВАЛ. Во как!⁸

В приведенном выше отрывке герой спорит с преподавателем о расчетах теплотерь на корабле. Сам предмет спора, вероятно, представляется рассказчику странным, равно как и отдельные моменты в этом споре, к примеру, расчет теплотерь через окна или штурвал. Однако рассказчик дополнительно

⁶ «Дневник сновидений» (<https://vk.com/dreamsbysecret>), 12 января 2017 г.

⁷ «Сны и сновидения» (<https://www.snovid.ru/sny>), 11 января 2018 г.

⁸ «Сны и сновидения» (<https://www.snovid.ru/sny>), 26 декабря 2018 г.

подчеркивает, что, помимо прочего, ему кажется неправдоподобной ситуация ответа на экзамене или занятии. Сам по себе спор с преподавателем — нормальное, реалистичное явление, но автор подчеркивает странность этого события, указывая, что в жизни он «давно уже не студент».

В рассмотренных примерах контрастные структуры противопоставляют происходящее во сне тому, как оно должно было бы быть в действительности. Отсылка к реальности задает некоторое правило (например, брутальность героя), которое нарушается сюжетом сна. Рассказчики как бы предполагают, что правила, существующие в жизни, должны распространяться на реальность сна. Байкер и мачо мог бы явиться во сне с топором, но не с сиреневым лаком на ногтях. Это делает происходящее нереальным в случае, когда сам по себе эпизод нормален (разговор на английском); в случае, когда описываемый эпизод и так неправдоподобен (расчет потерь тепла через штурвал), он становится еще более невероятным. Акцентируя эти нарушения с помощью контрастных структур, можно сделать более «видимой» для читателя странность происходящего. Сами же рассказчики за счет этого могут подчеркнуть свою нормальность: даже во сне они знают, что события должны развиваться в соответствии с определенными правилами.

Оппозиции «реальность — сон» и «нормальное — странное»

Мы видим, что приемы нормализации, которые используются в рассказах о необычных событиях, могут применяться для описания эпизодов, происходящих по ходу действия сна. В рассказах о реальных событиях эти приемы, с одной стороны, подчеркивают невероятность и странность описываемого события, с другой — представляют рассказчика как нормального и рационального субъекта, который осознает исключительность происходящего. Таким образом создается дистанция между «необычным» содержанием и «обычным» рассказчиком — что, в конечном счете, придает рассказу большую убедительность [Edwards, Potter 1992; Georgaca 2004; Potter 1996; Potter, Hepburn 2007; Wooffitt 2005]. X-Y структуры и контрастные структуры, о которых шла речь в предыдущих разделах, отличаются: и те и другие конструкции позволяют провести дистанцию между «нормальным» рассказчиком и «ненормальным» событием, но контрастные структуры применяются по отношению к действиям, странность которых не столь очевидна, — в таком случае кажется еще более важным акцентировать, что рассказчик понимает «неправильность» происходящего.

Применение этих приемов в рассказах о сновидениях и о необычных событиях, произошедших в реальности (или о «странном» и симптоматичном поведении), во многом сходно. Авторы рассказов о сновидениях также могут применять характерные конструкции нормализации, общая структура которых совпадает со структурой этих приемов в рассказах о реальности. Можно предположить, что наиболее значимые функции релевантны и для рассказа о сновидении: таким образом авторы могут продемонстрировать компетенцию в опознании странного, а также косвенным образом подчеркнуть собственную «нормальность», противопоставив ее происходящему.

Однако использование этих приемов в рассказах о сновидениях имеет одно принципиальное отличие. Свидетель катастрофы или паранормального явления описывает события, происходящие в повседневности и нарушающие нормальный ход вещей. Человек, рассказывающий о поведении, которое он истолковывает как симптом психического расстройства, также описывает действия, противоречащие нормальным ожиданиям. Но человек, который повествует о том, что ему приснилось, описывает реальность сна, которая по определению отличается от действительности. Контраст между нормальным и аномальным создается внутри этой реальности. Таким образом, в описании сновидения присутствуют сразу две оппозиции: различие между реальностью и сном и различие между нормальным и странным. Рассказчик, используя подобные приемы, так или иначе обращается одновременно к обоим различиям.

В рассказе могут использоваться прямые отсылки к действительности, указывающие, что эпизод сна противоречит тому, как это должно было бы быть «в жизни» или «на самом деле». В частности, в некоторых из приведенных фрагментов записей снов «нормальная» часть оппозиции связана с реальностью вне сна. Например, когда рассказчица отмечает, что она находится у себя дома, ждет мужа и все «как обычно», вероятнее всего, она имеет в виду «как обычно в реальности». В этом случае противопоставление «нормальное — странное» совпадает с различием «реальное — происходящее во сне». За счет создания таких оппозиций в повествование о сновидении могут вводиться детали или эпизоды, очень напоминающие реальность, причем реальность обыденную, повседневную, — и эти события противопоставляются «по-настоящему странным» эпизодам. То, что кажется «нормальным» внутри сна, также повторяет закономерности и правила действительности.

Впрочем, стоит сказать, что оппозиции «реальность — сон» и «нормальное — странное» не обязательно должны совпадать. Противопоставление необычного события сна норме с помощью указанных конструкций может выполняться и без прямых указаний, что «в жизни» все иначе (в частности, в одном из примеров, рассмотренных выше, героиня сна принимает внезапно возникшее в стене окошко за следы кота, тогда как в реальности кот не царапал стену). Однако в том случае, когда «нормальная» часть оппозиции отсылает к тому, что было бы привычным и правильным в действительности, можно говорить о дополнительных функциях, которые могут иметь приемы нормализации в рассказах о сновидениях. Сопоставление с реальностью позволяет показать, что рассказчик не только обладает компетенцией в разграничении нормального и странного, но и, повествуя о событиях сновидения, акцентирует их принципиальное отличие от того, как устроен мир за пределами сна.

То, что сон отличается от реальности, кажется довольно очевидным. Но акцентирование этого различия с помощью конструкций, противопоставляющих нормальное и странное, имеет дополнительное значение. В рассказах о сновидениях могут нарушаться все принципы реальности. Сопоставляя нарушения не просто с нормальным ходом вещей, но с «реальным» устройством мира, можно усилить контраст. Описывая необычные происшествия в реальности, люди, используя приемы нормализации, демонстрируют свою

«приверженность норме» [Jefferson 2004: 155]. Сопоставляя происходящие во сне события с действительностью, рассказчик задает дополнительное противопоставление (в том случае, когда оппозиции «реальность — сон» и «нормальное — странное» совпадают) и может продемонстрировать свою приверженность принципам «реальности» даже во сне. Учитывая важность представления рассказчика как разумного и нормального человека и сложность выполнения этой задачи при повествовании о том, что явно нарушает общеизвестные принципы [Coulter 1973; Pollner 1989; Wooffitt 2005], это также вносит вклад в конструирование фигуры рассказчика как рационального субъекта и надежного свидетеля.

Кроме того, отсылки к повседневной реальности за пределами сна могут позволить категоризировать в качестве обычного человека не только героя сна, но и самого автора. Категоризация человека как «обычного», в противоположность тому, кто изначально готов поверить в реальность невероятных, мистических событий, способствует представлению рассказа о необычных происшествиях как более «объективного» [Potter, Hepburn 2007: 282; Stockbridge, Wooffitt 2019: 446]. Рассказчики сновидений в жизни занимаются обыденными вещами (в приведенных фрагментах это «смотреть в окно», «ждать мужа», «разговаривать дома с мамой», «просыпаться в своей постели»). Хотя их будничная реальная жизнь формально не присутствует в рассказе о сновидении, она вводится через эти противопоставления. Соответственно, не только герой сна, но и автор может быть представлен как «обычный человек». В таком случае использование этой структуры будет создавать дистанцию между рассказчиком и описываемыми странными событиями дважды: за счет представления героя как человека, который не ждет ничего необычного, и за счет представления самого автора как «нормального» человека, далекого от всего неординарного.

Заключение

В статье был рассмотрен вопрос, каким образом риторические приемы, которые применяются для нормализации описания необычных событий, могут использоваться в рассказах о сновидениях. Два типа конструкций, типичные для описания невероятных событий и ненормального поведения в действительности, — контрастные структуры и X-Y структуры, — могут подчеркивать странность отдельных эпизодов сновидений и в то же время демонстрировать «нормальность» рассказчика, повествующего о них. Интересно, что «нормальная» часть оппозиции во сне может быть связана с реальностью: она напоминает о повседневной обстановке, а рассказчик может прямо указывать, что «в жизни» все должно было бы быть иначе. Таким образом, в рассказе о сновидении использование подобных структур допускает одновременный контраст обычного и необычного, а также сна и реальности внутри самого сновидения.

Дискурсивная психология предполагает, что описание произошедшего события с большей вероятностью будет принято как соответствующее действительности при корректном использовании соответствующих риторических приемов, хотя это не является единственным и достаточным

условием [Georgaca 2004: 20]. Приемы нормализации играют в этом важную роль, так как они позволяют представить рассказчика в качестве рационального субъекта и благонадежного свидетеля, даже если он повествует о необычных или нереальных вещах. Возможно, применение этих конструкций в рассказах о сновидениях отчасти способствует тому, что любые фантастические детали повествования о сновидении обыкновенно «безусловно принимаются» аудиторией [Hilbert 2010: 47].

References

- Coulter, J. (1973). *Approaches to insanity: A philosophical and sociological study*. London: Martin Robertson.
- Edwards, D., Potter, J. (1992). *Discursive psychology*. London: Sage.
- Georgaca, E. (2004) Factualization and plausibility in delusional discourse. *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*, 11(1), 13–23.
- Hak, T. (1998). “There are clear delusions.” The production of a factual account. *Human Studies*, 21(4), 419–436.
- Hayward, R., Wooffitt, R., Woods, C. (2015). The transgressive that: Making the world uncanny. *Discourse Studies*, 17(6), 703–723.
- Hilbert, R. (2010). The anomalous foundations of dream telling: Objective solipsism and the problem of meaning. *Human Studies*, 33(1), 41–64.
- Honig, A. S., Nealis, A. L. (2012). What do young children dream about? *Early Child Development and Care*, 182(6), 771–795.
- Jefferson, G. (2004). “At first I thought”: A normalizing device for extraordinary events. In G. H. Lerner (Ed.). *Conversation analysis: Studies from the first generation*, 131–167. Amsterdam: John Benjamins.
- Malcolm, N. (1959). *Dreaming*. London: Routledge & Paul.
- Mathes, J., Schredl, M. (2014). Analysis of a large sample of diary dreams — how typical are these typical dreams? *Somnologie: Schlafforschung und Schlafmedizin*, 18(2), 107–112.
- Ohashi, Y., Wooffitt, R., Jackson, C., Nixon, Y. (2013). Discourse, culture and extraordinary experiences: Observations from a comparative, qualitative analysis of Japanese and UK English accounts of paranormal phenomena. *Western Journal of Communication*, 77(4), 466–488.
- Palmer, D. (2000). Identifying delusional discourse: Issues of rationality, reality and power. *Sociology of Health and Illness*, 22(5), 661–678.
- Pollner, M. (1975). ‘The very coinage of your brain’: The anatomy of reality disjunctures. *Philosophy of Social Sciences*, 5(3), 411–430.
- Pollner, M. (1987). *Mundane reason: Reality in everyday and sociological discourse*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Potter, J. (1996). *Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction*. London: Sage.
- Potter, J., Hepburn, A. (2007). Discursive constructionism. In J. A. Holstein, J. F. Gubrium (Eds.). *Handbook of constructionist research*, 275–293. New York; London: The Guilford Press.
- Potter, J., Wetherell, M. (1995). Discourse analysis. In J. S. Smith, R. Harré, L. Van Langenhove (Eds.). *Rethinking methods in psychology*, 80–92. London: Sage.
- Revonsuo, A., Tarkko, K. (2002). Binding in dreams: The bizarreness of dream images and the unity of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 9(7), 3–24.
- Rosen, M., Sutton, J. (2013). Self-representation and perspectives in dreams. *Philosophy Compass*, 8(11), 1041–1053.

- Rosenhan, D. (1973). On being sane in insane places. *Science*, 179, 250–258.
- Sacks, H. (1984). On doing “being ordinary”. In J. M. Atkinson, J. Heritage (Eds.). *Structures of social action: Studies in conversation analysis*, 413–429. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Shafton, A. (1995). *Dream reader: Contemporary approaches to the understanding of dreams*. Albany: State Univ. of New York Press.
- Smith, D. E. (1978). “K is Mentally Ill”: The anatomy of a factual account. *Sociology*, 12(1), 23–53.
- St-Onge, M., Lortie-Lussier, M., Mercier, P., Grenier, J., De Koninck, J. (2005). Emotions in the diary and REM dreams of young and late adulthood women and their relation to life satisfaction. *Dreaming*, 15(2), 116–128.
- Stockbridge, G., Wooffitt, R. (2019). Coincidence by design. *Qualitative Research*, 19(4), 437–454.
- Sutton, J. (2009). Dreaming. In J. Symons, P. Calvo (Eds.). *The Routledge companion to philosophy of psychology*, 522–542. London: Routledge.
- Windt, J. M. (2015). *Dreaming: A conceptual framework for philosophy of mind and empirical research*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Woods, C., Wooffitt, R. (2014). Telling the moment: Seeing a UFO. *Narrative Inquiry*, 24(2), 239–258.
- Wooffitt, R. (1992). *Telling tales of the unexpected: The organization of factual discourse*. Hemel Hempstead, UK: Harvester Wheatsheaf.
- Wooffitt, R. (2005). *Conversation analysis and discourse analysis: A comparative and critical introduction*. London, UK: Sage.

* * *

Информация об авторе

Светлана Михайловна Бардина

кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Международный центр современной
социологической теории, факультет
социальных наук, Московская высшая
школа социальных и экономических наук
Россия, 125009, Москва, Газетный пер.,
д. 3-5
Тел.: +7 (495) 150-80-91
старший научный сотрудник,
Центр социологических исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (495) 434-72-82
✉ neology@bk.ru

Information about the author

Svetlana M. Bardina

Cand. Sci. (Philosophy)
Senior Researcher, International Center
for Contemporary Social Theory,
Faculty of Social Sciences,
Moscow School of Social and Economic
Sciences
Russia, 125009, Moscow, Gazetny Lane, 3-5
Tel.: +7 (495) 150-80-91
Senior Researcher,
Center for Sociological Research,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (495) 434-72-82
✉ neology@bk.ru